ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Н. Крушевскаго,

ПРИВАТ-ДОЦЕНТА ИМП. КАЗ. УНИВ.

I. Новѣйшія открытія в области аріоевропейскаго вокализма.— II. Измѣненіе согласных групп вида *EE*. — III. О морфологической абсорпціи.

Особый оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника.“

ВАРШАВА.
В ТИПОГРАФІИ М. ЗЕМКЕВИЧА И В. НОАКОВСКАГО.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1880.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 15 Августа 1880 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
457
54

I.

Новѣйшія открытія в области аріо-европейскаго вокализма.

N. Brugman, Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache. Studien, IX B. 2 H.

F. de Saussure, Mémoire sur le système primitif des voylles dans les langues indo-européennes. Leipsick, 1879.

В любой естественной наукѣ такія работы, какъ Brugman'a и de Saussure'a, произвели бы сильное движеніе: онѣ были бы разбираемы и переводимы, вызвали бы цѣлый ряд новых работ, а главное — были бы читаемы: ни один спеціалист не счел бы возможным не ознакомиться с ними. Но в лингвистикѣ, гдѣ чуть не у каждаго спеціалиста свой метод, своя подготовка, свои задачи; гдѣ вслѣдствіе этого, весьма немногіе спеціалисты способны понимать друг друга — замѣчательныя открытія Brugman'a и еще болѣе замѣчательныя de Saussure'a прошли едва замѣченными. Так как русской лингвистической литературѣ неизвѣстны даже имена вышеназванных ученых, то я рѣшился в кратких словах познакомить читателей „Вѣстника“ с тѣм, что самое важное в их открытіях.

Работы обоих ученых касаются одной из наиболѣе трудных отраслей фонетики, вокализма, или собственно тѣх отношеній между гласными, которыя составляют результат

продолжительных доисторическихъ фонетическихъ процессовъ; отношеній, которыя такъ нивелированы дѣйствующимъ въ языкѣ безсознательно-психическимъ началомъ, что дешифрировать ихъ весьма трудно, а подчасъ и невозможно.

Работа Brugman'a непосредственно касается избитаго вопроса о т. наз. *развѣтвленіи первоначальнаго A* (Spaltung des A—Lautes).

Разсмотримъ вмѣстѣ съ Brugman'омъ звукъ *a* нѣкоторыхъ санскритскихъ глагольныхъ и именныхъ формъ:

a тематическое:	*a* соединительное:
áçva-m лошадь, acc. sg.	pā́d-am нога, acc. sg.
bhára-nti нести, praes. 3 pl.	ad-ánti ѣсть, praes. 3 pl.

если обратимся къ соотвѣтствующимъ формамъ напр. греческаго языка, то замѣтимъ, что корреспонденты тематическаго *a* и соединительнаго *a* различны:

ἵππο-ν	πόδ-*α*
φέρο-ντι	ἔ-*αντι*.

Уже это сопоставленіе съ греческими формами заставляетъ сомнѣваться, чтобы оба санскритскихъ звука *a* (áçva-m и pā́d-am) были корреспондентами *одного* какого-нибудь первоначальнаго звука. Но и въ самомъ санскритѣ находимъ указанія на разницу этихъ *a*:

Если за тематическимъ или соединительнымъ *a* съ удареніемъ слѣдуетъ носовой и согласный (неносовой) (áNC), то носовой остается:

tudánt-am толкать, prt. praes. acc. sg.	s-ánti быть, praes 3 pl.

ср. ἔ-*αντι* ⪯ *ἐ-*άντι* ‖ s-ánti.

Если за тематическимъ или соединительнымъ *a* слѣдуетъ NC до ударенія (aNC-'), то носовой исчезаетъ:

tudat-ás ge. sg. ⪯ *tudant-ás	indh-até зажигать, praes. 3 m. cp. bhárante;

но за удареніемъ ('-aNC) *N остается только послѣ тематическаго a:*

áçvān (⪯ *áçva-ns) acc. pl.	vā́c-as голосъ, acc. pl.
bhára-nt-am prt. praes. acc. sg.	bíbhr-at-am intens. √bhar.
bhára-nti praes. 3 pl.	bíbhr-ati.

Ср. греч. λελόγχ-ᾰσι, πόδ-ᾰς, гдѣ удареніе всегда было на основѣ.

И в других европейских языках санскритское тематическое *a* имѣет другіе корреспонденты, нежели *a* соединительное:

Ср. bhára-nti, áçva-m	ad-ánti, pā́d-am
лат. fero-nt, equo-m	*s-ent (которое можно вывести из умбр. s-ent, оск. s-et и лат. prt. prae-s-ens), ped-em
стсл. **бєржть**	**ꙗдѧть.**

Разсмотрѣніе вышеприведенных форм (и множества других, однородных с ними) заставляет нас поставить два связанных друг с другом вопроса:

Морфологическій — как объяснить двоякія окончанія -am, -anti (при темах согласных) и -m, -nti (при темах гласных)?

Фонетическій—как объяснить 1) разные корреспонденты такого *a*, как второе *a* в санскр. áçva-m, bhára-nti, и такого, как второе *a* в pā́d-am, ad-ánti, *в одном и томже языкѣ* (нпр. в греч.: áçva-m, bhára-nti || ἵππο-ν, φέρο-ντι, но pā́d-am, ad-ánti || πόδ-*α*, ἔ-*αντι*); 2) разнообразіе корреспондентов такого *a* *в разных языках* (в греч. *α*, в лат. *en* (*em*), в стсл. **ѧ**, в гот. *un* (*um*); тогда как вообще санскр. *a* || греч., лат., стсл. *o*, *e*, (гот. *a*, *e*)?

Оба эти вопроса разрѣшает Brugman предположеніем о *существованіи в аріоевропейском праязыкѣ носоваго слогообразующаго* (*nasalis sonans*) n̥, m̥.—Судьбы такого слогообразующаго носоваго в разных языках и при разных условіях различны: при нем может развиться вторичный гласный, тогда он сам превратится в обыкновенный согласный (нпр. в санскр. и греч. при удареніи ṅ̥ ⇒ an, ṁ̥ ⇒ am; в лат. во всѣх случаях n̥ ⇒ en, m̥ ⇒ em; в гот.—un, um); или же он сам может развиться в гласный вторичный (нпр. в санскр. и греч. неударяемое n̥, m̥ ⇒ *a*).

Во всѣх вышеприведенныхъ примѣрах послѣдняя фонема [1]), до которой можем дойти, есть n̥, m̥: дальше n̥, m̥ идти не можем; но есть много случаев, гдѣ можем показать, что n̥, m̥ суть ослабленія сочетаній an, am, стоявших перед удареніем; нпр.:

*tan-tá-s ⇒ *tn̥-ta-s ⇒ скр. ta-tá-s (ср. tud-at-ás)
⇒ греч. τα-τό-ς (ср. πόδ-α)
⇒ лат. ten-tu-s ср. ped-em).

Но гипотеза не была бы гипотезой научной, если бы она пыталась объяснить неизвѣстное *x* посредством допущенія неизвѣстнаго же *z*. Потому спѣшу прибавить, что Brugman'ово допущеніе слогообразующаго носоваго не есть допущеніе неизвѣстнаго *z*: физіологическую возможность слогообразующих согласных показал Sievers [2]); реальное-же существованіе они имѣют в нѣмецком (ritten произносится rit-tn̥, handel произнос. han-dl̥), в чешском (vlk, krk) и др.

Проф. Бодуэн-де-Куртенэ справедливо замѣчает, что весьма вѣским подтвержденіем теоріи является тот факт, что и *нѣмецкое* bin-dn̥ *в южных говорах перешло в* bin-da (ср. πόδ-α ⇐ pád-m̥).

Конечно, критическій читатель найдет много форм, повидимому необъясняемых теоріей Brugman'a; но не слѣдует забывать, что ни один фонетическій процесс не может

---

[1]) Это слово может быть с пользой употребляемо, как термин для означенія *фонетической единицы*; тогда как слово „звук" могло бы означать единицу в т. наз. физіологіи звука. Дѣло в том, что *фонетическая единица не всегда бывает отдѣльным звуком*: она может состоять из двух звуков, нпр. *мл'* в словѣ *земля*, **шт** в словѣ **скѣшта**. Сочетанія *мл'*, **шт** в этих словах с точки зрѣнія фонетики *недѣлимы* и нельзя искать корреспондентов нпр. в польском для обоих звуков порознь: *мл'* || польс. *м'*, **шт** || *с*. В таких сдучаях, как *знамя*, конечной фонетической единицей надо считать *а* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго; слѣд. здѣсь фонетическая единица состоит из одного звука и качества другаго звука.

[2]) Grundzüge der Lautphysiologie etc. von Eduard Sievers. Leipzig, 1876. § 5.

совершиться, не встрѣтив препятствій со стороны безсознательно психическаго начала, и что формы, необъясняемыя фонетически, объясняются дѣйствіем морфологической ассимиляціи.

Совѣтуя читателю обратиться за подробностями к самой работѣ Brugman'a, приведу здѣсь только болѣе интересныя этимологіи, подтверждающія его гипотезу.

adhás, ádharas, adhamás || inferus, infimus || undar.
an-, a- privat. || ἀν-, ἀ- || in- || un-.
asís || ensis.
ὀνόματ- || cognomentum || çrómatam.
gatás, gátis || βατός, βάσις || circumventus, -ventio || gaqumthi-
tatás, tatis || τατός, τάσις || tentus.
dáça || δέκα || decem || десать || déšimtis || -taihund.
δᾶσύς || densus.
náva || ἐννέα || novem || девять || niun.
matís || αὐτόματος || commentus || память || išmintis || munda-.
çatám || ἑκατόν || centum || šimtas || hund (но стсл. сто?)
sakṛt || ἅπαξ || simplex.
saptá || ἑπτά || septem || sibun.

Прежде чѣм говорить об открытіях de Saussure'a в области вокализма, нельзя не сказать, что работа этого ученаго имѣет весьма важное значеніе для *метода* фонетики. Вокализм даннаго слова находится в тѣсной зависимости от формы этого слова: нпр. существительныя с первоначальным суф. -ti имѣют слабый вид корня (**съ-мръ-ть**), с первоначальным суф. -a — сильный (**мор-ъ**). De Saussure воспользовался этим для того, чтобы сдѣлать из морфологіи путеводную нить при изслѣдованіях фонетических. Нечего говорить, что способ этот весьма облегчает изслѣдованіе; мало того — он часто ведет к раскрытію фактов, которые, быть может, долго остались бы нераскрытыми.

De Saussure, пользуясь работами Brugman'a и Osthoff'a, выдѣляет всѣ тѣ формы, которых гласные не имѣют ничего общаго с первоначальным *a*, а обязаны своим

происхожденіем *слогообразующим согласным* n̥, m̥, r̥, l̥. Эта подготовительная работа приводит его к слѣдующим результатам:

1. Герм. *и* (*о*) должно быть исключено из вопроса об *а*: это или вторичный гласный, развившійся из слогообразующаго согласнаго, или первоначальное *и*.

2. В языках сѣверных подлежат разсмотрѣнію только два гласных: *е* и гласный, который de Saussure называет гласным *а* (это герм. и лит. *а*, слав. же *о*).

3. В языках южных—три гласных: *е*, *а*, *о*.

4. Южное *е* || сѣверному *е*; южныя *а*, *о* || сѣверному *а* (слав. *о*).

5. Если в греческом корнѣ, содержащем плавный или носовой, *а* чередуется с ε, то эта *а* гистерогенна и обязана своим происхожденіем слогообразующему согласному.

6. Так как только в корнях, содержащих плавный и носовой, замѣчается чередованіе *а* и ε, то из этого слѣдует, что *греко-италійское* а *не имѣет никакого отношенія к греко-италійскому* е.

7. Между *е* и *о* в греческом, а первоначально и в италійском, замѣчается правильное чередованіе (ἔτεκον—τέτοκα, τόκος; tego—toga).

8. Могли-ли *а* и *о* языков южных произойти из единаго первоначальнаго *а*? Почему это *а* измѣнилось в *о только тогда, когда оно чередуется с* е? *а* и *о* языков классических первичны, а *а* языков сѣверных есть продукт сліянія первоначальных *а* и *о*.

9. Если греческій или латинскій корень имѣет *а*, то и соотвѣтствующій корень языков сѣверных имѣет тоже *а*, *но это* а *не чередуется с* е; тогда как *а*, соотвѣтствующее классическому *о* чередуется с *е*: vagja || ὀχέω, hlaf || (κέ)κλοφα имѣют коррелятивы viga и hlifa; но agis(a-) || ἄχος, ala || alo не имѣют таких коррелятивов. Зато эти послѣдніе корни имѣют свойство, котораго не замѣчаем у первых: их *а* удлиняется (agis—ōg, ala—ōl).

Если обозначим посредством a_1 прототип европейскаго

e, посредством a_2 Фонему *o* [1]) и посредством A такое готское и литовское *a* (славянское *o*), которое соотвѣтствует классическому *a* и не имѣет никакого отношенія к *e*, то получим слѣдующую таблицу:

гласные яз. сѣверных:		гласные первонач.:		гласные яз. классич.:
e	‖	a_1	‖	e
a	‖	a_2	‖	o
		A	‖	a

Сдѣлаем нѣсколько замѣчаній об этих гласных и представим примѣры.

Гласные a_1 и a_2, как коррелятивы, должны быть разсмотрѣны вмѣстѣ. В готском им соотвѣтствуют *i*—*a*; в литовском — *e*—*a*: гот. viga — vagja; лит. vežù — važmà. В славянском — є—о: вєзѫ—возъ. В греческом и латинском — *e*—*o*: φέρω—φορέω; tego—toga.

Гласный A имѣет корреспондентом во всѣх вышеназванных языках *a* (в слав. *o*, как и a_2): aštrùs ‖ **остръ** ‖ ἄκρος ‖ acies; aka ‖ ἄγω ‖ ago.

Что касается языков арійских, то там корреспондентами $a_1 - a_2$ будут *a*—*ā*: sravāmi—srāva (ῥέω—ῥόος); но *в закрытом слогѣ корреспондентом для* a_2 *будет* a (краткое), *точно так-же, как и для* a_1: várdhati—várdha:

Но есть в греческом и латинском *o*, которое имѣет в санскритѣ корреспондентом *a* (краткое) и в открытом слогѣ. нпр. πόσις ‖ potis ‖ páti. Характеристическія черты такого греко-италійскаго *o* слѣдующія:

1) ему соотвѣтсвует в санскритѣ *a* краткое и в слогѣ открытом;

2) оно не чередуется с *e* (=a_1).

Очевидно, мы здѣсь имѣем дѣло с новым гласным, который можем обозначить: ǫ. Однако гласный этот не настолько ясен, чтобы говорить о нем подробнѣе.

Гласному A в санскритѣ соотвѣтствует *a* (ср. kalya здоровый ‖ καλός), слѣд. он имѣет тот-же корреспондент,

---

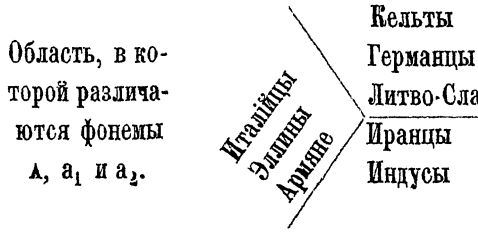
[1]) Так их обозначает K. Brugman, которому мы обязаны открытіем этих Фонем.

что и a_1; но слѣды различія а и a_1, сохранились и в санскритѣ; они слѣдующіе:

1) заднеязычные палятализуются перед a=a_1, (ср. catvâras четыре || лит. keturì id.), но не палятализуется перед a=а (ср. kalya || καλός);

2) на мѣстѣ а встрѣчаем часто $\breve{i}$ (ср. sthiti || στάσις, pitár || πατήρ).

Изслѣдованіе, которое я старался здѣсь представить в самых кратких словах, заключает de Saussure слѣдующей таблицей:



Обобщеніе, сдѣланное индійскими грамматиками и извѣстное под именем *гуны* или *представочнаго подъема*, стало почти догматом в лингвистикѣ. Однако насколько оно научно?

1. Физіологически никто еще удовлетворительно не выяснил процесса измѣненія *i* в *ai*, *u* в *au*. Тѣм не менѣе мы имѣем нпр. в нѣмецком *ai*, развившееся из *i*, и *au*, развившееся из *u*. Но тут *ai* и *au* *замѣнили вообще* *i* и *u*; т. е. монофтонги и дифтонги — *звуки разных періодов*; этого нельзя сказать о гунѣ: *рядом* с λιπ, πυθ существует λειπ, πευθ.

2. Разсмотрим ряд корней:

λιπ	— λειπ	= rik	— ra_1ik
πυθ	— πευθ	= bhudh	— bha_1udh
δραχ	— δερχ	= drk	— da_1rk
τα	— τεν	= $t\underset{\circ}{n}$	— ta_1n
πτ	— πετ	= pt	— pa_1t.

Первый (вертикальный) ряд представляют корни в болѣе краткой формѣ, второй—в болѣе полной. Для таких корней

как первый и второй, принято считать краткую форму первичной; из нея, посредством гуны, произошла форма полная. Для таких, как третій, в санскритских грамматиках (не во всѣх) считается первичной краткая форма, в греческих—полная. Для таких, как четвертый и пятый, первичной считается полная форма. Научна-ли такая непослѣдовательность? Кто утверждает, что *i* „поднимается“ в *ai*, тот должен допустить, что и *t* „поднимается“ в *at*. Можем сдѣлать только одно предположеніе: *для всѣх корней первична полная форма, краткая же произошла из полной посредством исчезновенія* a_1.

a_1 исчезает тогда, когда ему приходится стоять перед удареніем; единственное условіе: если звуковая группа в данном языкѣ без гласнаго произносима (ср. prt. prf. med. vav̥t-ānā́ вращаться, но paspaç-ānā́ видѣть).

Мы видѣли уже двѣ формы корня: полную (с a_1) и сокращенную (без a_1). *Корень в третей формѣ имѣет* a_2 *вмѣсто* a_1. (λιπ—λειπ—λοιπ, τα—ταν—τον = rik—ra$_1$ik—ra$_2$ik, tn̥—ta$_1$n—ta$_2$n).

Причины перехода a_1 в a_2 (или обратно?) мы не знаем, хотя и можем указать тѣ морфологическія категоріи, в которых он всегда имѣет мѣсто.

Всякій корень в своей полной формѣ заключает *a*; всѣ-же другіе способные образовать слог звуки могут в нем быть, но могут и не быть. Поэтому гласный *a* можем назвать *коренным гласным*, всѣ же другіе слогообразующіе звуки—*сонантическими коэффиціентами* [1]). Сонантическій коэффиціент функціонирует то как гласный (т. е. образует слог), то как согласный; смотря по тому, придется ли ему стоять перед согласным, или перед гласным.

Вокализм аріоевропейских корней может быть представлен в слѣдующей таблицѣ:

---

[1]) Не могу найти такого русскаго термина, как французскій „Coefficients sonantiques.“

Форма полная	1-ая степень 2-ая степень	a_1 a_2	a_1i a_2i	a_1u a_2u	a_1n a_2n	a_1m a_2m	a_1r a_2r	a_1A a_2A	a_1ǫ a_2ǫ
Форма сокращенная		-	-i	-u	-n̥	-m̥	-r̥	-A	-ǫ

Ниже читатель найдет примѣры, поясняющіе таблицу. Они идут в том порядкѣ, какой в таблицѣ. Из множества глагольных и именных категорій выбраны только нѣкоторыя. Корни с A и ǫ удобнѣе будет разсмотрѣть отдѣльно.

Корень в полной формѣ 1-й степени.

Praes. πέτ-ο-μαι; veh-o; vež-ù; **вез-ж**; váh-a-ti.—λείπ-ω; fīdo ⇐ *feido.—φεύγ-ω; dūco ⇐ *deuc-o.—σπένδ-ω; -fend-o; senk-ù; **мат-ж**; vánd-a-te кланяться. — φέρ-ω; fer-o; **вер-ж**; bhár-ā-mi.

Neutra на -as. νέφος; decus; debes-ì-s; **небо**; nábhas.—εἶδος; téjas блеск.—ζεῦγος, ψεῦδος; çrávas слава; róhas вершина. — πένθος, μένος, γένος; tempus, genus; **таго**; mánas дух.—βέλος, ἕρκος; degener; várcas блеск.

Корень в полной формѣ 2-ой степени.

Perfect. act. τέ-τοκα; pat падать, pa-pā́ta. — οἶδα. — εἰλήλουθα.—γέ-γονα; gam итти, ja-gā́ma.—δέ-δορκα, ἔμμορα; me-mordi; darç смотрѣть, da-dárça.

Praes. произв. глаг. ὀχέω; noceo; **вожж**; pat падать, pātáyati. — çro слышать, çrāváyati. — tondeo. — φορέω; mordeo.

Темы на -a. τόκος; toga; лит. vádas; **-водъ**; pāká жареніе.—λοιπός.—πλόος, ῥόος, σπουδή; srāva теченіе.—σπονδή, τόνος; tonum; **въстжга, лжкъ**; tāna звук. — ὁλκό-, φορβή; **моръ**.

Корень в формѣ сокращенной.

Сильн. аорист. ἐ-πτ-ό-μην. ἔ-σχ-ο-ν. ἔ-λιπ-ο-ν.—ἐ-πυθ-ό-μην, ἔ-φυγ-ο-ν; roh рождаться, á-ruh-a-t.—πενθ ἔ-παθ-ο-ν; randh гибнуть, á-radh-a-t.—ἐ-πλ-ό-μην, ἔ-δρακ-ο-ν; darç смотрѣть, á-dr̥ç-a-t, vardh рости, á-vr̥dh-a-t.

Аорист с удвоеніем. ἐ-σπ-ἑ-σθαι; sac слѣдовать, á-sa-ṣc-a-t, pat падать, á-pa-pt-a-t.—ἔ-πε-φν-ο-ν; krand вопить, ca-kra-d-a-t.

Praes. глаг. 2 кл. (ἔ)ραμαι (=ṛm-μαι) ‖ rámati наслаждаться.

Perf. med. τέ-τα-ται, πέ-φα-ται.—ἔ-φθαρ-μαι, εἶ-μαρ-ται.

Корни, заключающіе аʌ, аǫ.

Градація корней, до сих пор разсмотрѣнных, достаточно очевидна; гораздо труднѣе ее показать в корнях, заключающих дифтонг аʌ и, в особенности, дифтонг аǫ: относящіеся сюда факты сохранились почти в одном только греческом, но и здѣсь они не особенно многочисленны. Тѣм не менѣе то, что уцѣлѣло от разрушительнаго дѣйствія морфологической ассимиляціи, дает нам право утверждать о существованіи корней с дифтонгами аʌ, аǫ, которых *а* могло исчезать и быть a_1 и a_2 точно так же, как и всякое другое *а*.

Морфологическія категоріи, которым свойственна полная форма корня, здѣсь имѣют долгій гласный (ᾱ, η, ω).

Морфологическія категоріи, которым свойственно исчезновеніе а, *здѣсь имѣют краткій гласный* (ă, ĕ, ŏ; в санскритѣ тоже ī̆).

Представим примѣры.

Корень в полной формѣ 1-ой степени.

ἔ-στᾱ-σα, ἔ-βᾱ-σα; hā оставлять á-hā-sam, ḍā давать á-d-āsam. Ср. ἔ-δει-σα.

στᾰ́-σω, βᾰ́-σομαι; dā-syáti, gā пѣть gāsyáti. Ср. πλευσοῦμαι.

λᾰ́θω, θᾰ́γω, ᾅδομαι. С ǫ: κλώθω, τρώγω, φώγω.

βᾰ-μα, σᾰ-μα; grā-men, stā-men; dā́-man даяніе, sā́-man богатство.

μᾶκιστος при μᾶκρός. Ср. kṣépiṣṭha при kṣiprá быстрый.

Корни в полной формѣ 2-ой степени.

Здѣсь можно показать только формы с первоначальным дифтонгом a_2A (=oa).

βω-μός при βᾰ̆-μα. Ср. κορ-μός при κέρ-μα

ψω-μός

φω-νή, γρώ-νη, σμώ-νη. Ср. ποι-νή

χώ-ρα, ψώ-ρα

πτᾱ̆κ πτώξ. Ср. φλεγ φλόξ.

Санскрит, кажется, имѣет здѣсь дифтонг *au*: ср. perf. dadhaú ‖ ἔω(κε); ср. тоже:

áçvau ‖ ἵππω

dvaú ‖ δύω

nau ‖ νώ

aṣṭaú ‖ ὀκτώ.

Корень в формѣ сокращенной.

φᾰ̆́-σκο; βό-σκω. Ср: pṛcchāmi спрашивать.

στᾰ̆-τός, φᾰ̆-τός; εὖ-βο-τος, δο-τός, πο-τός. mā мѣрить, mi-tá, çā острить çi-tá, gā пѣть gī-tá, dhā класть dhī-tá. cā̆ tus (‖ çitá); stā̆-tus, dā̆-tus.

στᾰ́-σις, φᾰ́-τις, χᾰ́-τις; βό-σις, δό-σις, πό-σις. sthā стоять sthītí, pā защищать pī-tí.

Ср. еще другіе паралели:

(a_1i)	εῖ-μι	(a_1A)	φᾱ-μί
	εῖ-ς		φᾰ́-ς
	εῖ-σι		φᾱ-τί
(i)	ἴ-μες	(A)	φᾰ́-μές.

λᾱθ и φευγ:

φεύγω ἔφυγον πέφευγα πεφυγμένος φεύξομαι φυκτός

λᾰ́θω ἔλᾰθον λέλᾱθα λελᾰσμένος λᾰ́σομαι -λαστος.

çās управлять и dveṣ ненавидѣть:

dvéṣṭi dviṣmás dviṣáti didvéṣa dviṣṭá dveṣṭár pati-dviṣ

çā́sti çiṣmás çiṣát çaçā́sa çiṣṭá çāstár ā-çís.

В корнях европейских языков замѣчаем долгое *e*, как какое-то видоизмѣненіе долгаго *a*. Взаимное отношеніе этих двух фонем пока совершенно неизвѣстно.

Если корень имѣет ē, то это ē будет только в тѣх морфологических категоріях, которым свойственна *полная форма корня 1-ой степени*:

τί-θη-μι, ἵ-η-μι, δί-δη-μι, ῥήγ-νυ-μι.

θή-σω, ἥ-σω, δή-σω, ῥήξω.

ἀνά-θημα, ἧμα, διά-δημα

ῥῆγος, ἦθος.

Корень в полной формѣ 2-ой степени представляет ω (точно так-же, как и корень с ᾱ):

ἔ-ω-κα, ἔρρωγα, εἴωθα, πέπτωκα.

ῥωχμός.

ἀπορρώξ.

Корень в формѣ сокращенной представляет ε, но этому ε соотвѣтствует латинское ă:

θε-τός, ἑ-τός, δε-τός, ἄ-σχε-τος, ἄ-πλε-τος; să-tus, ră-tus.

τίθε-μεν, ἵε-μεν.

θέ-σις, ἄφε-σις, δέ-σις.

Весьма трудно представить содержаніе такой книги, как книга de Saussure'a. Она так богата содержаніем и изложеніе ея так сжато, что приходится почти переводить. Я выбрал для передачи то, что мнѣ казалось самым замѣчательным; думаю, что это достаточно для моей цѣли: обратить вниманіе читателей „Вѣстника“ на книгу французскаго лингвиста, пролагающую новые пути в изученіи аріоевропейской фонетики.

II.

Измѣненіе согласных групп вида *EE*.

Есть в фонетикѣ вопрос, важность котораго трудно преувеличить. Это *вопрос об отношеніи букв к звукам*. Как ни просто требованіе строго отличать буквы от звуков, однако оно исполняется весьма немпогими; и смѣло можно сказать, что половина ложных мнѣній, встрѣчаемых в книгах, трактующих о фонетикѣ, коренится в неотличеніи или не строгом отличеніи букв от звуков.

Сюда принадлежит и общераспространенное мнѣніе о существованіи так наз. *двойных согласных* (geminatae). Здѣсь займемся только двойным взрывным (explosivae, *EE*).

Возьмем какое-нибудь сочетаніе *atta* и разсмотрим, чем оно отличается от сочетанія *ata*.

Так как первое сочетаніе изображается четырмя знаками, а второе тремя, то обыкновенно говорят, что *atta* имѣет два *t*. Но из антропофоники [1]) мы знаем, что главное и необходимое условіе произнесенія согласнаго *t* есть *взрыв*, производимый передним концем (resp. хребтом) язы-

---

[1]) Этот употребляемый весьма немногими термин гораздо лучше термина „Физіологія звука“ по слѣдующим причинам:

1. Слова производныя от сложнаго термина „Физіологія звука“ будут безобразны: „звукофизіологическій....“

2. Он слишком широк, потому что может соозначать, кромѣ науки о звуках человѣка, тоже науку о звуках всякаго другаго организма.

3. Он слишком узок, потому что не соозначает того, что наука занимается нетолько физіологическими условіями возникновенія звуков, но и их *акустическими качествами*.

Ни одного из этих отрицательных качеств не имѣет термин *антропофоника*.

ка на переднем небѣ (resp. на задней поверхности верхних рѣзцов и их альвеолях). Без взрыва нѣт звука *t*. Из этого слѣдует, что при произнесеніи сочетанія *atta* должно быть *два взрыва*. Мы дѣйствительно можем произвести два взрыва, но тогда произнесем не такое сочетаніе, какое обыкновенно свойственно языкам, имѣющим т. наз. двусогласные: в извѣстных нам языках такія сочетанія, как *atta* прозносятся *с одним взрывом*. Тѣм не менѣе и там они разнятся от сочетаній *ata*. В чем-же состоит разница? Разсмотрим всѣ элементы обоих сочетаній.

ata. Надставная труба звука *a*, в продолженіе всего его звучанія, остается одна и та-же. Только когда сила гласнаго станет значительно слабѣе, язык дѣлает экскурсію, оканчивающуюся запором (Verschluss), за которым весьма быстро слѣдует взрыв (=*t*). Сдѣлав взрыв, язык принимает положеніе, которое ему свойственно в надставной трубѣ гласнаго *a*.

atta. (Со стороны физіологической). Когда еще *a* звучит сильно, язык дѣлает энергическую экскурсію, оканчивающуюся запором. Это движеніе языка измѣняет (уменьшает) надставную трубу гласнаго *a* и измѣняет тогда, когда она еще нужна для гласнаго. Взрыв слѣдует не непосредственно за запором, потому что язык нѣкоторое время остается в совершенном покоѣ в мѣстѣ запора. Прочее как в предшествующем сочетаніи.

(Со стороны акустической). Уменьшеніе надставной трубы, произведенное преждевременной экскурсіей языка, придает гласному *a* особый оттѣнок. Оттѣнок этот легко замѣтим, если обратим вниманіе на акустическіе результаты других уменьшеній надставной трубы. Произнесем послѣдовательно сочетанія *ap*, *at*, *ak*, но так, чтобы *не производить свойственнаго данному согласному взрыва*. Тогда получим три *a*, но они настолько будут отличны друг от друга, что лице, не видящее движеній наших органов, может узнать, которое *a* мы произносим. Это будут, так сказать, три различно усѣченных *a*. Можем их обозначить: a^p, a^t, a^k. — Акустическим слѣдствіем того, что взрыв не

слѣдует непосредственно за запором, будет незначительная пауза.

Из этого видно, что только первое сочетаніе мы изображаем на письмѣ точно; второе сочетаніе должно быть точно обозначено так: a^{t}-ta. Чтобы не употреблять такое сложное написаніе, можем изображать группу с так наз. двойным согласным (будем его называть *сильным согласным*) так: ata.

Таким образом, *отличіе сочетанія* atta *от сочетанія* ata, *воспринимаемое ухом, как нѣчто цѣльное, слагается из особаго оттѣнка гласнаго и паузы между гласным и согласным.*

Теперь, когда уже знаем, что надо понимать под именем двойнаго согласнаго, можем обратиться к вопросу об измѣненіи согласных групп, состоящих из двух взрывных.

Из предшествующаго видно, что группа, обыкновенно изображаемая: *akta*, должна быть точно изображена: a^{k}-k-ta. Акустическая сила обоих согласных неодинакова: согласный, как шум, сам по себѣ слышится весьма слабо; он гораздо явственнѣе для уха, когда воспринимается вмѣстѣ с гласным. В нашем сочетаніи только согласный *t* поставлен в такія условія; согласный же *k* отдѣлен от сосѣдних звуков двумя паузами (акустически; физіологически — двумя запорами). Вслѣдствіе этого наш согласный *k* весьма слаб. А так как акустическая слабость обыкновенно сопряжена с физіологической слабостью (что слышится слабѣе, то и произносится слабѣе), то экскурсія этого согласнаго с теченіем времени становится все менѣе энергической и менѣе продолжительной.—При сочетаніи звуков вообще замѣчаем *стремленіе перенести экскурсію втораго звука в момент перваго;* это стремленіе так сильно и так обще, что может быть названо законом сочетаній звуков. Потому и в нашем сочетаніи, по мѣрѣ ослабленія согласнаго *k*, экскурсія согласнаго *t* все больше и больше пріобрѣтает возможность зайти в момент *k*. Слѣдствіем этого будет измѣненіе первоначальнаго сочетанія a^{k}-k-ta в сочетаніе a^{t}-ta.

Но возможен и другой случай. Вслѣдствіе ослабленія

работы согласнаго *k*, свойственный ему запор мало по малу может превратиться в съуженіе, которое дает соотвѣтствующій спирант, т. е. сочетаніе a^k-k-ta измѣняется в aχ-ta.

Преобладаніе (обыкновенно исключительное) в данном языкѣ сочетаній перваго или втораго вида придает этому языку своеобразный колорит и *может служить для характеристики языка*; тѣм болѣе, что разныя проявленія даннаго стремленія (измѣнять *EE*, в сильный согласный, или-же в спирант и согласный) нераз замѣчаются на протяженіи цѣлых тысячелѣтій.

Разсмотрим измѣненіе групп вида *EE* в нѣскольких языках; при чем будем имѣть в виду главным образом группы согласных глухих.

Санскриту свойственны разнообразныя группы взрывных согласных: он (говоря вообще) не измѣняет эти группы. Но мы можем наперед опредѣлить их судьбу, т. е. должны-ли онѣ в будущем измѣниться в *SE*, или-же в **E**: стоит только обратиться к самым неустойчивым сочетаніям. Самыми же неустойчивыми будут сочетанія гоморганных согласных. И, сколько кажется, прежде всего сочетанія согласных *переднеязычных*. В санскритѣ есть троякіе переднеязычные: 1) *t* 2) ṭ, отличающееся (физіологически) от *t* особою формою, которую принимает язык в момент взрыва; 3) *c*, согласный дифтонг, состоящій из *t* (вѣрнѣе, кажется, из ṭ) и ṣ. На письмѣ мы находим сочетаніе *tt*, нпр. atti *пст.* Мало вѣроятно à priori, чтобы это сочетаніе произносилось с двумя взрывами, и мы смѣло можем утверждать, что *atti*=*ati*. Итак,

tt $\rightleftarrows$ t : atti

tṭ $\rightleftarrows$ ṭ : tat+ṭīka=taṭṭīka комментарій к этому

tc $\rightleftarrows$ c : tat+ca=tacca и это.

Принимая во вниманіе, что вышеуказанныя группы EE_1 измѣнились в E_1, имѣем нѣкоторое основаніе утверждать, что и всѣ другія группы EE_1 должны измѣниться в E_1. И это дѣйствительно совершилось в *пракритѣ*. Ср.

kt $\geqq$ t : санскр. mukta || пракр. mutta, muc освобождать, part. perf. pass.

pt $\geqq$ t : санскр. sapta || пракр. satta семь.

Ближайшій родственникъ санскрита, *зенд*, представляетъ намъ нѣчто совсѣмъ противуположное. Нетолько группы, которыя мы назвали самыми неустойчивыми (*TT*), здѣсь измѣнились въ SE_1, но такъ же измѣнились уже и группы *KT*:

tt $\geqq$ st : *vaid-tha=vôistâ знать, 2 sg. perf.

kt $\geqq$ χt : санскр. ukta || зенд. uχta, говорить, part. perf. pass.

Но группа *pt* остается пока безъ измѣненія [1]). Только въ *новоперсидскомъ* и оно измѣняется въ SE_1:

pt $\geqq$ ft : зенд. hapta || новоперс. haft семь.

Такимъ образомъ, относительно измѣненія первоначальныхъ группъ *EE*, въ Азіи замѣчаемъ пару противуположныхъ языковъ: санскритъ и зенд. Такую-же пару представляютъ въ Европѣ языки латинскій и греческій.

Измѣненія интересующихъ насъ группъ въ *латинскомъ* представляютъ особенности, которыя я не умѣю объяснить. Такіе случаи, какъ *equester*, *claustrum*, *infestus* показываютъ, что самыя неустойчивыя группы, *TT*, измѣняются здѣсь въ *ST*. Но тотъ-же латинскій въ сочетаніи предлоговъ съ глаголами и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ весьма сильно проявляетъ тенденцію измѣнять группы EE_1 въ E_1: ср. *attineo*, *accedo*, *appareo*.

Однако, говоря вообще, группы EE_1 въ латинскомъ остаются; только въ италіянскомъ онѣ измѣняются (совершенно какъ въ пракритѣ) въ E_1:

kt $\geqq$ t : fructus || итал. frutto

pt $\geqq$ t : septem || итал. sette (ср. пракр. satta).

В *греческомъ* группы *TT* измѣнились въ *ST*:

tt $\geqq$ st : *ἀδ-τέον $\geqq$ ἀστέον.

Но другія группы вида EE_1 остались безъ измѣненія; онѣ измѣнились только въ *новогреческомъ*:

---

[1]) Быть можетъ и это сочетаніе измѣнилось уже въ зендѣ; по крайней мѣрѣ уже въ зендѣ попадаются такія формы, какъ tafta вспыльчивый, part. perf. pass. отъ √tap.

kt ⩾ χt : ὀκτώ ‖ новогр. ὀχτώ
pt ⩾ ft : ἑπτά ‖ новогр. ἑφτά (ср. новоперс, haft).

В *старославянском* нѣт групп *EE*. Первоначальныя *TT* здѣсь измѣнились в *ST*:

tt ⩾ st : *нд-тн ⩾ истн.

Вслѣдствіе разных языковых процессов (исчезновенія гласных, заимствованія и др.) в *русском* языкѣ появляются группы вида *EE*. И вот, мы видим, что язык начинает с ними поступать так, как старославянскій с группами *TT*:

kt ⩾ χt : *х*то, до*х*тор, тра*х*тир...; ср. тоже: ле*х*кій, мя*х*кій..., Ара*х*чино...

Для наглядности представлю разсмотрѣнные факты в таблицѣ. Что касается латинскаго, то в таблицѣ этой приняты в разсчет только такіе случаи, как *attineo*; такіе-же, как *equester*, оставлены в сторонѣ, как непонятное (для меня) исключеніе.

Языки, в которых $EE_1 \geqslant E_1$.		Языки, в которых $EE_1 \geqslant SE_1$.	
Санскрит.	Пракрит.	Зенд.	Новоперсид.
tt ⩾ t		tt ⩾ st	
kt	⩾ t	kt ⩾ χt	
pt	⩾ t	pt	⩾ ft
Латинскій.	Италіянскій.	Греческій.	Новогреч.
tt ⩾ t		tt ⩾ st	
kt	⩾ t	kt	⩾ χt
pt	⩾ t	pt	⩾ ft
		Старослав.	Русскій.
		tt ⩾ st	
		kt	⩾ χt
		pt	

Из сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. В большинствѣ случаев по характеру измѣненія групп переднеязычных взрывов (т. е. измѣняется ли *TT* в **T**, или же в *sT*) можем предсказать характер измѣненія групп согласных взрывных вообще в данном языкѣ (т. е. измѣнится ли EE_1 в E_1, или же в SE_1).

2. Порядок (хронологическій) в котором измѣняются группы со вторым компонентом *T*, кажется, будет такой: сначала измѣняется *TT* (*одноорганные и однолъстные*), затѣм *KT* (*одноорганные, но разнолъстные*), и наконец *PT* (*разноорганные*).

Обыкновенно в таких случаях, как attineo, accedo, apparеo видят переход *d* в *t*, *k*, *p*, но это невѣрно, потому что

1) в названных словах *только одно t, k, p;*

2) здѣсь *один и тот-же звук переходит в разные звуки;*

3) в такіх словах, как итал. frutto, sette *разные звуки переходят в один и тот-же звук;*

4) такой *переход*, как *t* или *k* в *p* *анатомически немыслим*: с языка на губы звук мог бы „перескочить,“ но никак не „перейти.“

Вообще—слишком много понимается под словом „переход.“ Я не могу здѣсь входить в точное изслѣдованіе всѣх тѣх явленій, которыя извѣстны под общим именем „перехода *x* в *y*“; замѣчу только, что слѣдовало бы различать:

1) переход кажущійся (графически), как *d* в *t*, *k*, *p* в словах: attineo, accedo, apparеo.

2) переход кажущійся (фонетически), как *m* в *b* в словѣ βροτός ⟵ *μβροτός ⟵ *μροτός или как *w'* в *ź* в словѣ źilk ⟵ wźilk ⟵ w'ilk (в говорах Курпей) и т. п.

3) переход, который точнѣе назвать *замѣной*; такова замѣна одного из двух *r* слова на *l* (*дилектор*) и обратно—одного из двух *l* на *r* (singularis) [1]).

4) переход дѣйствительный, как *t'* в *ć* в словах: cień, płeć и т. п.

---

[1]) Сюда же, быть может, относится и такой случай, как: *артилерист* ⟶ *антилерист* (ср. *ярмарка* ⟶ *ярмонка*)?

III.

О морфологической абсорпціи.

Если взглянем на разныя части лингвистики, то легко замѣтим, что морфологія осталась далеко позади фонетики. Несмотря на много хорошихъ монографій, обобщеній собственно-морфологическихъ сдѣлано немного. Одно изъ весьма важныхъ обобщеній принадлежитъ проф. Бодуэну-де-Куртенэ; это обобщеніе, формулированное имъ какъ *сокращеніе тем в пользу окончаній* [1]). Проявленіе этого процесса можно указать напр. въ старославянской флексіи; уже тамъ конечные гласные тем отдѣлились отъ нихъ и слились съ окончаніями; такъ напр. въ формѣ рыбахъ темой могло чувствоваться только рыб, а окончаніемъ—ахъ. Постараюсь нѣсколько подробнѣе развить эту мысль, а также показать, что къ ней надо прибавить, чтобы она превратилась въ весьма широкое научное обобщеніе.

На ряду съ такой формой, какъ рыбахъ были формы:

рыб-ы, рыб-ѣ, рыб-ѫ, рыб-оѭ, рыб-о, рыб-оу, рыб-ъ,

въ которыхъ не было звука а. Вслѣдствіе этого а тѣхъ формъ, которыя его имѣли, стало чувствоваться, какъ непринадлежащее темѣ; неизмѣняемой темой стало чувствоваться только рыб, а а отошло къ окончанію. Ниже я приведу аналогическій примѣръ изъ санскритской именной флексіи, а читатель самъ можетъ найти подобные примѣры въ любомъ аріо-

---

[1]) Ср. 1. Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination. Beiträge, VI.

2. Разборъ книги A. Leskien'a: Handbuch der altbulgarischen sprache. Ж. М. Н. П. 1876.

3. Подробная программа лекцій в 1876—1877 учебном году. Казань и Варшава. 1878.

европейском языкѣ и убѣдиться, что указанный процесс общ всѣм языкам нашей семьи.

Но обратим вниманіе на такія слова, как рус. *восток* или поль. *ślub*. Их темы:

восток, ślub;

а этимологія:

въ+токъ, съ+любъ. (Ср. тоже *подушка, заподазривать* и т. п.).

Из этого видно, что здѣсь *тема поглотила префикс*, как в формѣ **рык-ахъ** окончаніе поглотило часть темы. В обоих случаях мы видим, что *звуки, принадлежащіе одной морфологической единицѣ, отрываются от нея и интегрируются другой единицей; при чем сокращенію подвергается предшествующая морфологическая единица в пользу послѣдующей.* За неимѣніем болѣе подходящаго термина, назовем этот процесс *морфологической абсорпціей.*

Если к сказанному прибавим замѣчаніе, что *конечные звуки послѣдней морфологической единицы мало по малу исчезают* [1]), то получим полную картину нормальной жизни аріоевропейской формы. Можем это изобразить в слѣдующей формулѣ, в которой буквы означают фонетическія еди-

---

[1]) Обращаю вниманіе на то, что исчезновеніе звуков в концѣ слова должно быть строго отличаемо от исчезновенія звуков в других мѣстах слова. Если разсмотрим исчезновеніе звуков в *началѣ* слова, то вряд-ли найдем какіе-нибудь случаи кромѣ таких, как: Alexander || итал. Lessandro, рус. Лександр, санскр. idānīm (теперь) || практ. dāṇīṁ, Акулина || Кулина (ср. тоже: Лизавета, Настасья, Сидор, Ларіон...). Во всѣх этих и тому подобных примѣрах, мы имѣем дѣло с исчезновеніем *неударяемаго гласнаго, не поддерживаемаго никакой живой этимологіей*—явленіе, весьма напоминающее атрофію какой-нибудь части организма.

Что касается *средины* слова, то нам исчезают (1) *только извѣстные звуки,* (2) *вслѣдствіе физіологическо-акустическихъ причин и* (3) *по строго опредѣленным законам.*

Иное дѣло *конец* слова: там исчезают *всѣ вообще* звуки и притом такіе, которые (в данном языкѣ) в срединѣ слова никогда не исчезают. (Ср. нпр. рус. *былоб* || *былобы*; ср. исчезновеніе всѣх вообще согласных в концѣ слова, свойственное многим языкам, а в том числѣ и старославянскому).

ницы, а группы букв—единицы морфологическія: первая—префикс, вторая—тему без суффикса, третья—окончаніе:

$$\underbrace{abc}_{1.}+\underbrace{def}_{2.}+\underbrace{ghi}_{3.}\rightleftarrows\underbrace{abcde}_{2}+\underbrace{fgh}_{3.}\rightleftarrows\underbrace{abcd}_{2.}+\underbrace{efg}_{3.}...$$

Как далеко может зайти такая абсорпція—достаточно указать польс. 2 sg. imperat. *weź*, которое соотвѣтствует первоначальному префиксу *въz*; единственный слѣд исчезнувшей темы есть смягченіе звука *z*. Ср. тоже praes *wez-nę*, происшедшее из *wezm-ę*, вслѣдствіе ассимиляціи этой формы к настоящим на *-nę*.

Если не ошибаюсь, то морфологическая абсорпція есть самое широкое обобщеніе, какое можно сдѣлать в морфологіи: 1) оно оправдывается любой аріоевропейской формой 2) оно касается *жизни аріоевропейской формы вообще* 3) оно объясняет *переход языка из т. наз. синтетическаго состоянія в т. наз. аналитическое* (это можно представить формулой: $\underbrace{abc}_{1.}+\underbrace{def}_{2}+\underbrace{ghi}_{3.}\rightleftarrows...\ \underbrace{bcde)}_{2.}$.

Как видно из указанных примѣров, процесс абсорпціи совершается только в *регрессивном* (←—) направленіи. Думаю, что можно показать в общих чертах главную причину, почему он совершается в этом, а не в обратном направленіи. Т. наз. *комбинаціонно-фонетическія* измѣненія (combinatorischer Lautwandel) совершаются вообще в направленіи *прогрессивном* (—→); исключеній весьма немного (нпр. такіе случаи, как *хвалить, trwały=хфалить, trfały*). Слѣдовательно, если тема *def* очутится перед каким-нибудь окончаніем *x*, то измѣнится *не послѣдующій звук x*, а *предшествующій звук f* и получим *dez+x*; перед каким-нибудь другим окончаніем *y* звук *f* не измѣнится и получим рядом формы: *dez+x* и *def+y*, т. е. темой будет чувствоваться только неизмѣнное *de*. Тоже самое на примѣрѣ. Возьмем санскрит. тему *mati-* [1]) (дух); перед окончаніем

---

[1]) Если примем теорію de Saussure'a, то такіе падежи, как voc. sg. mat*e*, sūn*o* заставят нас принять как первичныя темы на *-ai-*, *-au-*, а не на *-i-*, *-u-*. Но это для нашего примѣра не важно.

instr. sg *-ā i* должно перейти в *y*, а перед окончаніем acc. sg. *-m* оно останется; таким образом получим *matyā* и *matim*, т. е. темой будет чувствоваться только *mat*, что и видно из формы loc. sg. *matau*, в которой окончаніе *-au* присоединяется к темѣ *mat*. (Кстати замѣтим, что это окончаніе *-au* есть в свою очередь ничто иное, как часть т. наз. темы на *-u-*). И так видим, что *регрессивное направленіе морфологической абсорпціи обусловливается прогрессивным направленіем комбинаціонно-фонетических измѣненій* [1]).

Совершенно такое-же явленіе, какое мы видим в склоненіи слова рыка, можно указать в склоненіи санскритских средних имен. Санскрит имѣет цѣлую категорію средних имен, тема которых оканчивалась на *-an*, нпр. *nāman-* (имя). Такія темы перед сильными окончаніями, начинающимися с согласных, будут имѣть фонему n̥, которая развивается в *a* (нпр. instr. pl. *nāmn̥bhís ⇄ nāmabhih); перед сильными окончаніями, начинающимися с гласных,— согласный *n* (нпр. instr. sg. nāmnā). Таким образом получим двѣ группы падежей:

1. тема nāma-:		2. тема nāmn-:	
no.-acc.-voc. sg.	nāma	in sg.	nāmnā
in.-dat.-ab. dl.	nāmabhyām	dat. sg.	nāmne
in. pl.	nāmabhiḥ	ab.-ge. sg	nāmnaḥ
dat.-ab. pl.	nāmabhyaḥ	loc. sg.	nāmni
loc. pl.	nāmasu	no.-acc.	nāmnī
		ge.-loc. dl.	nāmnoḥ
		ge. pl.	nāmnām

---

[1]) Допустим случай противоположный. Пусть в языкѣ *x*, которому свойственно регрессивное направленіе комбинаціонно-фонетических измѣненій, будут какіе нибудь корни *ak* и *ap* и какой-нибудь суф. *-ina*. Пусть в этом языкѣ существует законъ, по которому *i* послѣ *k* должно измѣниться в *a*. Тогда от предположенных корней с суф. *-ina* получим: *akana* и *apina* т. е. корень поглотит первый звук суффикса (*aka-na*, *api-na*). Другими словами: *регрессивная фонетическая ассимиляція вызовет прогрессивную морфологическую абсорпію.*

Звук *n* играет здѣсь такую-же роль, как звук *л* в падежах слова рыбл: находясь только в нѣкоторых падежах, он не может чувствоваться, как часть темы и поглощается окончаніем. В стсл. появляются новыя окончанія с *л* (нпр. рыб-лхъ); в санскр.—новыя окончанія с *n* (-nā, -ne, -naḥ, -ni, -nī, -noḥ, -nām). В русс. яз. окончаніе *-ах* || стсл. -лхъ вслѣдствіе морфологической ассимиляціи стало свойственно всѣм без исключенія существительным; ср.

рыб-лхъ	рыб-ах
пѫт-ьхъ	пут'-ах
сын-ъхъ	сын-ах
раб-ѣхъ	раб-ах
дѣл-ѣхъ	дѣл-ах
конь-нхъ	кон'-ах
полѧ-нхъ	пол'-ах.

Тот же процесс морфологической ассимиляціи происходит и с новыми санскритскими окончаніями nā, -ne.... различіе состоит только в том, что окончаніе *-ах* стало окончаніем loc. pl. имен существительных всѣх трех родов, окончанія-же -nā, -ne... стали окончаніями преимущественно существительных *средняго рода*. Таким образом санскритскія *среднія имена пріобрѣли для нѣкоторых падежей особыя формы* (т. е. отличныя от форм имен мужескаго и женскаго рода). Другими словами — пріобрѣли *самостоятельное склоненіе*, которое может быть представлено в нижеслѣдующих таблицах.

ТАВЛИЦА 1-ая,

представляющая полное склоненіе средних имен. Формы исключительно-среднія обозначены линіями.

Общепринятыя в грамматиках темы:	harit- зеленое	kānta- любезное	nāman- имя	dhanin- богатство	vāri- вода	mṛdu- нѣжное	dhātṛ- провидѣніе	
no.-acc.	harit	kāntam	nāma	dhani	vāri	mṛdu	dhātṛ [1]	Singularis.
voc.	harit	kānta	nāma nāman	dhani dhanin	vāri vāre	mṛdu mṛdo	dhātṛ dhātaḥ	
instr.	haritā	kāntena	nāmnā	dhaninā	vāriṇā	mṛdunā	dhātṛṇā	
dat.	harite	kāntāya	nāmne	dhanine	vāriṇe	mṛdune	dhātṛṇe	
ab.-ge.	haritaḥ	kāntāt kāntasya	nāmnaḥ	dhaninaḥ	vāriṇaḥ	mṛdunaḥ	dhātṛṇaḥ	
loc.	hariti	kante	nāmni nāmani	dhanini	vāriṇi	mṛduni	dhātṛṇi	

no.-acc.	haritī	kānte	nāmnī nāmanī	dhaninī	vāriṇī	mṛdunī	dhātṛṇī	Dualis.
in.-dat.-ab.	haridbhyām	kāntābhyām	nāmabhyām	dhanibhyām	vāribhyām	mṛdubhyām	dhātṛbhyām	
ge.-loc.	haritoḥ	kāntayoḥ	nāmnoḥ	dhaninoḥ	vāriṇoḥ	mṛdunoḥ	dhātṛnoḥ	
no.-acc.	harinti	kāntāni	nāmāni	dhanini	vāriṇi	mṛdūni	dhātṛṇi	
instr.	haridbhiḥ	kāntaiḥ	nāmabhiḥ	dhanibhiḥ	vāribhiḥ	mṛdubhiḥ	dhātṛbhiḥ	Pluralis.
dat.-ab.	haridbhyaḥ	kāntebhyaḥ	nāmabhyaḥ	dhanibhyaḥ	vāribhyaḥ	mṛdubhyaḥ	dhātṛbhyaḥ	
gen.	haritām	kāntānām	nāmnām	dhaninām	vāriṇām	mṛdūnām	dhātṛnām	
loc.	haritsu	kānteṣu	nāmasu	dhaniṣu	vāriṣu	mṛduṣu	dhātṛṣu	

[1]) В греческом эта категорія уцѣлѣла напр. в словѣ νέκταρ.

ТАБЛИЦА 2-ая.

Представляющая окончанія форм исключительно-средних. ○ означает нуль [1]), *C*— согласный, *V* гласный, *N*—носовой.

Общепринятая в граматиках тема	-*C*-	-a-	-*V*n-	-i-, -u-, -r̥-
Sing. no.-acc.	○	m	*V*	○
voc.				
instr.				nā
dat.				ne
ab.-ge.				naḥ
loc.				ni
Dual. no.-acc.	ī	nī		
ge.-loc.				noḥ
Plur. no.-acc.	*NC*i	ni		

По поводу этих таблиц необходимо сдѣлать нѣсколько отдѣльных замѣчаній.

Можно спросить, почему одни звуки (нпр. n) отдѣлены от тем и сдѣланы интегральными частями окончаній, другіе (нпр. i, u, r̥) не отдѣлены от тем; т. е. почему считаются окончаніями -ne, -naḥ..., а не -ine, -une, -r̥ne...? На это можно отвѣтить, что в языкѣ — как и вообще в природѣ — весьма трудно проводить какія бы то ни было

---

[1]) Знак 0 (нуль) настоятельно необходим в фонетикѣ; но, чтобы его не смѣшивать (в особенности на письмѣ) со знаком гласнаго *o*, его можно бы писать так: 0.

рѣшительныя границы: мы здѣсь отдѣляем тѣ звуки, которые *несомнѣнно* языкъ уже отдѣлил от тем и интегрировал с окончаніями, и не отдѣляем тѣх, которые находятся на пути к отдѣленію от тем. Такіе звуки, как предпослѣдніе гласные no.-acc. pl. (kāntāni, vārīṇi, mṛdūni...) обречены на неизбѣжное отдѣленіе от тем и интеграцію с окончаніями. Слѣдствіем каждаго такого отпаденія звуков от тем бывает в языкѣ *появленіе нѣсколькихъ окончаній для одной и той-же формы* (окончапій в родѣ -āni, -īni, -ūni, -ṝṇi...); между такими окончаніями происходит процесс элиминаціи, который оканчивается или *дифференціаціей* их (ср. окончанія no.-pl. msc. в польском *i* со смягченіем предшествующаго согласнаго и *i* без смягченія предшествующаго согласнаго; первое стало окончаніем именительнаго падежа одушевленнаго, *chłopi*, второе — окончаніем именительнаго падежа неодушевленнаго и презрительнаго, *stoły*, *chłopy*), или *исчезновеніем всѣх окончаній, за исключеніем одного какого-нибудь* (ср. русское окончаніе loc. pl. *-ах*, которое стало единственным окончаніем для всѣх существительных).

В этой замѣткѣ я не указываю распространенія окончаній со звуком *n* на формы других родов, кромѣ средняго, но легко замѣтить, что распространеніе не ограничилось средним родом; ср. нпр. окончаніе ge.-pl. -nām.

Окопчаніе no.-pl. *NC*i требует особаго объясненія. Санскрит имѣет очень много тем с сочетаніем *an*, нпр. adant-, prtcp. praes. act. от ad ѣсть. Такая тема соединяясь с окончаніем, имѣющим удареніе, должна превратиться в adṇt-, что со временем развивается в adat-. Перед окончаніями, неимѣющими ударенія, она останется в первоначальной формѣ. Отсюда различіе *сильных* тем (adant-) и *слабых* (adat-) или появленіе склоненія с *градаціей основ* (Stammabstufung). В среднем родѣ именительному единственнаго свойственна слабая тема, а именительному множественняго — сильная; потому получаем пары:

no.-sg.	adat	no.-pl.	ādanti
„ „	pratyak западный	„ „	pratyāṅci и т. п.

Эти пары измѣняют пары такія, как harit—*hariti, в harit—harinti; точно так-же в русском пара *теленок—телята* вызывает пару *опенок—опята* (вм. *опенки*). Слѣд. такія формы no.-pl. neutr., как:

sarvaçaṅki (sarvaçak всемогущій)
suhṛndi (suhṛd дружескій)
gumpi (gup стерегущій) и т п.

обязаны своим происхожденіем *тематической ассимиляціи*.

Аранчино, 25 іюня 1880 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
4	1	вышеприведенныхъ	вышеприведенных
5	34—5	Osthffo'a	Osthoff'a
14	13	чем	чѣм
—	14	четырмя	четырьмя.